

детектив – событие

Валерия Лемах

ВЕЧНОЕ ТАИНСТВО – СМЕРТЬ

Валерия Леман
Вечное таинство – смерть
Серия «Детектив-событие»

текст издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648973

Валерия Леман. Вечное таинство – смерть: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-69684-0

Аннотация

Кто-то едет в столицу Франции наслаждаться музеями, а вот Ален Муар-Петрухин убегает из Москвы, просто чтобы остаться свободным, отчаянно спасаясь от брошенной любовницы Веры Буниной...

Парижская журналистка Аиша виртуозно гадает на картах Таро. В ее нынешнем раскладе на близкого друга Алена картина тревожная: во всем главенствует Ее Величество Смерть...

Красавица Мари познакомилась в самолете с обаятельным Аленом. Два дня сумасшедшей любви, а потом девушка бесследно исчезла. Ее тело было обнаружено на древних могильных камнях знаменитого кладбища Монмартр...

Вечное таинство смерти подстерегает на каждом шагу. От судьбы не уйдешь, но отсрочить земной конец вполне возможно...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валерия Леман

Вечное таинство – смерть

Глава 1

Промедление смерти подобно

Я с великим облегчением откинулся на спинку кресла. Наконец-то я в самолете «Аэрофлота», каких-то несколько минут, и он взлетит в синее небо, унося меня прочь от Москвы, от тяжких оков рабства и, главное, от потенциальной рабовладелицы Веры Буниной!

При одном только имени зловещей фемины я невольно скривился и едва не обернулся – а вдруг она сейчас появится в проходе за спиной стюардессы и погрозит пальчиком: куда собрался, мой миленький?

«Мой миленький» – это было ее любимейшее обращение ко мне. А я никогда не был миленьким! Во всяком случае, с ней. Глупым – да, это уж точно: пожалел дивчину себе на голову. Вот так и вспомнишь классическое высказывание Максима Горького: «Надо уважать человека! Не жалеть, не унижать его жалостью, уважать надо!» В подтверждение мудрости этих слов достаточно привести мой пример. Устройтесь поудобнее, чтобы выслушать мою поучительную историю и не повторять глупых ошибок.

Все началось совсем недавно, две недели назад, хотя кажется – прошли века. В дождливый осенний день в московский офис «Сады Семирамиды» – косметической фирмы моего отца, славного парижанина Жюля Муара, где я работаю главной акулой рекламного отдела, – явилась двухметровая дылда. Ей-богу, по-другому эту девушку не назовешь, рост – ее основная достопримечательность.

Начав обозрение с длинных ног на высоченных каблуках, я проследовал взглядом выше, мимо несколько широковатой талии, проскочил скудный бюст и наконец-то встретился с испуганно моргающими глазками на круглом бледном личике.

– Здравсте! – выпалила девица, тряхнув жидкой челкой. – Меня направили к Алену Муар-Петрухину. Я окончила Московский государственный университет с красным дипломом и прошла конкурс вашей фирмы. Меня пригласили работать...

С этим все было понятно, и я кивнул.

– Хорошо. Я и есть Ален Муар-Петрухин, прошу любить и жаловать.

Девушка вспыхнула, словно с первых же слов решила буквально следовать всем моим пожеланиям, приняв классическую фразу за приказ немедленно возлюбить меня, как говорится, не отходя от кассы.

– Я... Я постараюсь.

– Уж постарайтесь, – я беспечно острил, не предчувствуя, что день грядущий мне готовит.

Наверное, для выпускницы МГУ родом из провинции я выглядел таким столичным снобом: мало того, что родился в Москве златоглавой, так к тому же от французского папочки, который, разведясь энное количество лет назад с супругой Маргаритой Петрухиной, оставил ей двухэтажный домик с милым садом и оранжереей в зеленой зоне столицы, которым после ее отъезда в Танзанию единолично пользовался сынок. И живет этот баловень судьбы припеваючи, думает на французском и русском, а на всех деревенских красавиц смотрит сверху вниз...

Хотя в данном конкретном случае все было с точностью до наоборот – это я смотрел на гостью снизу вверх. И все-таки в определенный момент она вспыхнула повторно и начала судорожно рыться в своей сумочке.

Мне было подумалось, что она хочет припудрить носик, но я ошибся: Вера Бунина трясущимися от волнения руками достала на свет божий красную кожаную книжицу и не без торжественности протянула ее мне с сопроводительным словом:

– Вот... Это мой красный диплом. Я – искусствовед.

Каюсь: именно в тот момент меня и охватила жалость к бедняжке. Это насколько же одинокой и несчастной двухметровой детиной надо быть, чтобы гордиться до судорог красным дипломом пусть и столичного универа! Девушки двадцати с копейками лет гордятся ножками-глазками-профилем и толпой воздыхателей, а вот Вера Бунина – дипломом!

И тут Ален Муар-Петрухин бездарно согрешил: не проникся уважением к краснодипломной дивчине, но от души ее пожалел. И чтобы как-то приободрить и согреть вниманием да заботой, тут же, не откладывая доброе дело на завтра, пригласил ее в ближайшее кафе – перекусить, выпить горячего кофейку. Вера в очередной раз вспыхнула и тут же с готовностью мотнула головкой: «Идемте!» И мы пошли.

Далее все шло по классическому сценарию: первые пять минут за столиком уютного кафе мы чинно вкушали макмафины под ароматный капучино, обмениваясь лишь трафаретными репликами в духе: «Прекрасный кофе!», «Вообще-то я больше люблю чай», и прочее, и прочее в том же духе.

В конце концов все это стало напоминать бездарный спектакль, и я решительно взял инициативу в свои руки: подозвал официанта и, несмотря на отчаянное сопротивление в сотый раз за день вспыхнувшей Веры, заказал нам роскошный обед с красным винцом. Как только мы приступили к трапезе и отпили красненького, неловкость и смущение разом исчезли, и искусствовед Вера зашебетала, словно соловей, для начала выложив мне всю свою биографию и анкетные данные, далее без малейшей паузы приступив к изложению собственного взгляда на современную косметологию в целом и на продукцию нашей косметической фирмы «Сады Семирамиды» в частности.

Сказать по правде, через десять минут ее безостановочного словоизвержения я так утомился, что наконец-то сообразил: пора по-быстрому все доедать, чтобы благополучно распрощаться с умницей, отправив ее работать в родные «Сады».

Не тут-то было! Как только мы вышли из кафе, раскрасневшаяся от выпитого Вера лихо подхватила меня под руку.

– Миленький Ален, огромное тебе спасибо за этот чудный обед! Я первый раз была в таком кафе. А главное – никто из мужчин меня еще не приглашал на обед. Все было так шикарно!

Разумеется, это сразу меня, доброго самаритянина, окрылило: «миленький» Ален осчастливил двухметровую девицу «шикарным» обедом, честь ему и хвала! Я тут же бодро улыбнулся Вере и брякнул первое, что пришло мне на ум по поводу ее прически, – посоветовал сделать стрижку и радикально перекраситься – в лимонно-желтый цвет. Девушка задорно рассмеялась и в ответ клятвенно обещала сегодня же мой «приказ» выполнить. После этого мы прошли в здание офиса и благополучно расстались, каждый отправившись на свое рабочее место.

Признаться, я моментально забыл про Веру Бунину. А вот у девушки память оказалась гораздо крепче: на следующий день с самого утра она уже ждала меня у дверей моего кабинета – разумеется, с новой стрижкой, с новым цветом волос. Мы обменялись приветствием и веселыми пожеланиями друг другу удачи на день грядущий, после чего я поспешил скроить суровую мину великого труженика и удалился в свой кабинет.

Тот день прошел как обычно, так что к его концу я и думать забыл про Веру Бунину и ее новую прическу. Но, как оказалось, девушка подготовила боссу сюрприз: ждала меня в конце рабочего дня на выходе. Очаровательно покраснев и мотнув головой, она выпалила:

– Алэн, я надеюсь, мы с тобою все так же на «ты»? – перевела дыхание и продолжила, не ожидая моего ответа: – Так вот... Вчера ты пригласил меня на чудесный обед. А сегодня я приглашаю тебя на ужин – к себе. Я снимаю квартирку здесь, совсем неподалеку. Только, пожалуйста, не отказывай мне, а то обижусь! Я приготовила тунца в духовке...

Интересно, что бы вы сделали на моем месте? Увы, это приглашение было столь неожиданно, что я не успел ничего придумать, чтобы от него достойно отбрезаться; только и оставалось, что восхищенно всплеснуть ручками и отправиться с девушкой в ее апартаменты. Разумеется, я был решительно настроен отпробовать тунца, похвалить кулинарный талант Веры и, торопливо глянув на часы, внезапно вспомнить «об одном срочном деле».

Но долговязая Вера и тут меня перехитрила: у нее к тунцу была приготовлена ледяная водочка. Я, как мог, отказывался, ссылаясь на то, что за рулем, но она-таки уговорила меня выпить пару рюмочек. Ясное дело: после первой и второй перерывчик небольшой, ну а после третьей Алэна Муар-Петрухина внезапно потянуло на подвиги. Как говорится, раз пошла такая пьянка, режь последний огурец...

Вера пригласила меня на танец, тут же непринужденно подливая рюмочку за рюмочкой, без перерыва рассказывая о своей несчастной жизни одинокой фемины. Все завершилось тем, что я вызвал такси и повез Веру к себе в гости, где и произошло мое окончательное грехопадение.

Эта была катастрофа. Едва продрав глаза на следующий день, я сразу же четко осознал сей факт, потому как первым осознанным кадром бытия была склонившаяся надо мной с радостной улыбкой бодряя Вера в кухонном фартучке, которая весело и лукаво погрозила пальчиком:

– Ах ты, негодник, – бросаешь грязное белье где попало. Надо будет купить корзинку в ванную – все грязное будем складывать туда.

Лучше бы она сразу заказала мне гроб! Я попытался было объяснить – дескать, родная, я совершенно не готов к совместной жизни, потому как убежденный холостяк, и все в том же духе. Но девушка даже не стала слушать – она со счастливым смехом заключила меня в свои объятия:

– Вот видишь, мой миленький: ты сам назвал меня «родная»! Кстати, пожалуй, мне лучше взять пару недель отпуска в «Садах» – ты ведь это мне организуешь? Столько работы по дому!..

С тех пор моя жизнь превратилась в кошмар: к вечеру Вера перевезла в дом свои вещи и начала все переставлять по своему вкусу на кухне и в комнатах. Тут я не выдержал и накричал на нее. Итог был в буквальном смысле слова плачевный: бедная Вера рухнула на диванчик лицом в подушку и отчаянно зарыдала. Я готов был завывать.

Опущу описание адских дней совместной жизни с Верой Буниной, скажу лишь, что, продержавшись, героически обороняясь, одну неделю, уже в пятницу я сдался: встал затемно, не включая света, молниеносно оделся и, прыгнув в машину, поспешно свалил на работу.

Примерно через полчаса Вера проснулась и, нутром почуяв неладное, немедленно забила тревогу. Сжав зубы, я не отвечал на ее непрерывные звонки и на всякий пожарный заперся в своем кабинете.

Естественно, я тут же начал действовать. Первым делом набрал парижский номер отца и вкратце, сдержанно, но решительно поставил его перед фактом: дорогой, любимый папа, я лечу к тебе! Немедленно!

Но меня ждал еще один сюрприз: мой отец, которого мы с сестрой Ольгой называем Старым Лисом и который прожил в более-менее счастливом браке с нашей мамой только пять лет, несколько смущенно откашлялся и вздохнул:

– Все так сложно, мой дорогой Ален!

Я раздраженно фыркнул:

– В чем сложность, отец? Моя комната занята красавицами из твоего гарема? И в твоём двухэтажном особняке больше не найдется комнатухи для родного сына? – Я был готов рвать и метать от бессильной ярости. – Понимаешь, папа, мне просто срочно нужно улететь из Москвы!

Мой срывающийся голос озадачил отца:

– Говори сразу, что случилось! Что ты там натворил? Надеюсь, тебя не разыскивает полиция?

Я готов был расхохотаться сатанинским смехом – мне бы его проблемы! Полиция – святые угодники по сравнению с Верой Буниной.

– Нет, папа, все гораздо хуже. В двух словах: меня тут решили женить, и на сегодняшний день единственная возможность избежать этого – срочно улететь в Париж. Как говорится, промедление смерти подобно.

Тут уж рассмеялся Старый Лис. Когда все более-менее благополучно, Жюль Муар не прочь пошутить, побалагурить.

– Бедняжка Ален! Представь себе – у меня практически такая же ситуация: я без пяти минут женатый человек. Но вот только, в отличие от тебя, данная перспектива делает меня счастливейшим из смертных.

– Поздравляю, – не без желчи проскрипел я. – Но в таком случае ты тем более просто обязан пригласить меня в гости, чтобы познакомить с потенциальной мачехой.

Старый Лис в очередной раз откашлялся.

– М-да, возможно, возможно... Только вряд ли малышка Лулу годится тебе в мачехи, дорогой Ален, она немного младше тебя, совершенное дитя. Ей двадцать лет.

Что ж, все это было в духе отца: в свои «слегка за пятьдесят» он тщательно следит за собственной внешностью и одеждой. Он, кажется, и во сне следит за своей мимикой, всегда выглядит молодым и прекрасным, а потому каждая из его новых пассий, как правило, еще моложе и роскошнее предыдущей.

Однако в тот критический момент мне было не до сантиментов – еще немного, и в мою дверь начнет ломиться Вера Бунина.

– Еще раз поздравляю, – усмехнулся я, невольно бросая взгляд на часы на запястье. – Ну, так что – я вылетаю ближайшим рейсом?

Старый Лис немедленно заворчал, загундел нечто бессвязное, пока я решительно не оборвал его, призвав хоть несколько дней в году быть настоящим отцом. Тут он вздохнул.

– Хорошо, я в принципе не против. Но прошу, не торопись: для начала я должен посоветоваться с Лулу, как она посмотрит на твой визит. После беседы я тебе перезвоню. Чао!

И негодник немедленно дал отбой. Проявите чутку фантазии, чтобы попытаться представить себе, что я испытал в следующие двадцать-тридцать минут, ожидая его звонка как манны небесной. Когда наконец раздалась долгожданная трель, я схватил трубку так, как утопающий хватается за соломинку.

– Поздравляю, мой дорогой, – слегка недовольным голосом проворчал Старый Лис. – Моя очаровательная крошка Лу неожиданно обрадовалась перспективе гостя из Москвы. Представь себе: одной ее знакомой буквально на днях привезли чудного песика из России. Насколько я понял, это новая мода: в Москве множество бездомных несчастных псов и котов, которых добрые женщины собирают, отмывают и через интернет-сайт пристраивают

по всему свету. Словом, Лулу тоже хочет несчастного песика из ужасной и холодной Москвы. Раз уж ты собрался к нам прилететь, прошу тебя...

– Я все понял, – нетерпеливо перебил его я, бросая затравленные взгляды на дверь. – Говори быстрее название этой конторы или телефоны, но только пса я выбирать не стану – возьму первого попавшегося.

– Лулу абсолютно все равно, какой пес, – недовольно фыркнул Старый Лис (он терпеть не может, когда его прерывают). – Она согласна даже на безногого – в ней живет святая душа матери Терезы. Но, мой дорогой Ален, прошу лично от себя: хотелось бы, чтобы песик был более-менее приличный. Итак, записывай координаты: общество спасения животных...

Несколько секунд – и я записал нужную информацию, после чего распрощался с отцом. Пора было предпринять конкретные действия, чтобы как можно быстрее покинуть холодную и ужасную Москву, где обосновалась Вера Бунина.

Я еще раз перечитал свою запись. Итак, общество спасения животных под названием «Друг человека», телефон ветеринара Анастасии Маричевой. Пора приниматься за дело.

Глава 2

«Друг человека»

Мое общение с представителем «Друга человека» оказалось чрезвычайно коротким и приятным: я позвонил, представился и кратко изложил суть дела. Дескать, лечу сегодня последним рейсом до славного города Парижу, а мои взбалмошные друзья изъявили желание усыновить дворняжку – помогите! Нужно все оформить с потрясающей скоростью.

Ветеринар Анастасия Маричева оказалась на редкость милой дамой. Терпеливо выслушав мою сбивчивую и торопливую просьбу, она жизнерадостно рассмеялась в ответ.

– Нет проблем! Со славным городом Парижем мы давно активно сотрудничаем. В настоящий момент у нас есть пара песиков с полностью оформленными ветеринарными справками международного образца. Если вас устроит, я даже могу подвезти вам счастливого пса прямо в аэропорт. От вас требуется лишь сообщить, каким рейсом и откуда вы вылетаете.

Я с облегчением вздохнул: ну надо же! Слава богу, есть люди, способные все организовать легко и быстро! В течение двух минут мы обговорили с Анастасией место и время встречи, и, можно сказать, мое дело было в шляпе.

Потом я поспешил позвонить отцу, сообщил радостную весть: буду в Париже сегодня к 19.00 вместе с чистопородной московской дворнягой, прошу встретить в аэропорту Шарль де Голль. Старый Лис что-то недовольно буркнул в ответ и дал отбой, что совершенно меня не расстроило. Я тенью выскользнул из кабинета и из офиса, торопливо покинув это нечистое на данный момент место.

Поскольку поутру, в панике сбегаю из дома, я не имел никакой возможности собрать вещи, то первым моим делом стало посещение магазинов. Купив себе все необходимое, я отобедал в кафе по соседству и наконец-то рванул в Шереметьево, прибыв на место даже чуть раньше оговоренного времени встречи.

Итак, я прогуливался у здания аэропорта, глаза по сторонам, изо всех сил стараясь первым заметить Анастасию, которая весело и непринужденно описала саму себя как очаровательную длинноногую шатенку с огромным псом шоколадного цвета по имени Билли.

Оная красавица и Билли появились в поле моего зрения ровно в срок, и я невольно восхитился точностью представительницы «Друга человека». Анастасия, едва заметив мою приветственно поднятую руку, подошла, доброжелательно улыбнулась и кивнула, потом наклонилась к действительно огромному псу, которого привела с собой на поводке:

– Билли, познакомься: это твой сопровождающий Ален. Сам видишь, он очень добрый и хороший. На время полета вы расстанетесь, но, думаю, в Париже еще успеете подружиться.

После этого она с той же торжественностью развернулась ко мне, с легким полупоклоном представив мне Билли:

– Ален, это – Билли, прошу любить и жаловать!

Билли, умильно склонив шоколадную голову набок, смотрел на меня снизу вверх шоколадными блестящими глазами, слегка повиливая шоколадным хвостом. Он был вполне упитан и холен, чтобы никоим образом не походить на своих собратьев – бездомных дворняг.

– Никогда бы не подумал, что передо мной несчастный бездомный пес, – покачал я головой, невольно улыбаясь. – Настоящий красавчик! Такой веселый, довольный жизнью и самим собой. На вашем месте я бы назвал его Шоколадом. Ну, или, на худой конец, Сникерсом.

Анастасия с довольным видом кивнула.

– Насчет имени – все вопросы к нашим волонтерам, это плод их фантазии. А вот ваш отзыв по поводу внешнего вида питомца принимаю за комплимент: с самого поступления Билли к нам в приют беднягой занималась лично я. Видели бы вы его в то время! Некий идиот натравил на беднягу своего бультерьера. Билли был весь в крови, шерсть – клочьями, кожа да кости... Поскольку я – ветеринарный врач, я и оказала ему первую помощь. А уж потом мы все вместе принялись его откармливать, холить и нежить. Его глазки – поначалу в них были только страх и недоверие – стали понемногу оживать. И вот налицо замечательный результат: вы сами назвали Билли красавчиком, Билли едет на постоянное место жительства в благополучную Европу, в славную Францию. Ей-богу, тысячи наших братьев-людей завидуют ему, в том числе и я, грешная!

Она вновь беззаботно рассмеялась, ласково почесав Билли за ушком, а он лишь тявкнул – словно поддакнул. Анастасия тут же, будто вдруг вспомнив нечто важное, поспешила завершить болтовню.

– Да, должна вам сказать, пока не забыла: на дорожку мы сделали Билли укол, чтобы в течение нескольких часов полета он мирно спал. Этот укол имеет слабительный эффект, так что постарайтесь по прибытии... Короче говоря, создайте условия, чтобы парень справил нужду, вы понимаете?... Хотя... Билли страдает запорами.

Билли, словно прекрасно понял, о чем идет речь, стыдливо опустил морду, а Анастасия в очередной раз весело рассмеялась.

– Не конфузся, Билли, здесь все свои! – Она перевела взгляд на меня. – Надо вам сказать, тут у нас было ЧП: один несознательный работничек накормил Билли чем-то непотребным, хотя мы всегда перед дорогой стараемся не перегружать желудок животных тяжелой едой. А этот Паша – любитель поддаться, щедро поделился своим подозрительным закусоном с Билли. Ну, ничего, Паша у меня еще попляшет! А вообще Билли у нас абсолютно не балованный, ест хорошо и не капризничает – овощи, косточки, каши. Умница он у нас, так и передайте его новым хозяевам!

Мы еще немного поболтали о погоде, курсе евро и прочих житейских мелочах, после чего распрощались лучшими друзьями.

Итак, отныне на время моего отчаянного бегства я не был одинок. До начала регистрации мы с Билли устроились тут же, на скамеечке, и я излил перед псом свою измаявшуюся душу – рассказал историю знакомства с жуткой девушкой Верой.

Билли, участливо склонив голову, все внимательно выслушал, немного поворчал и наконец, положив голову на лапы, задремал. Вскоре началась регистрация; я сдал свой легкий багаж, а когда нам с Билли пришлось расстаться на несколько часов полета, я дружески потрепал его по загривку.

– Билли, ты только не волнуйся, – ободряюще улыбнулся я своему новому приятелю, передавая поводок в руки служащего, который должен был отвести пса в багажное отделение. – Небольшой перелет, и мы снова с тобой встретимся. Все будет просто замечательно.

Билли только посмотрел на меня взглядом искушенного благами жизни существа и снисходительно тявкнул, словно констатируя факт, что это мне надо успокоиться, а он собирается элементарно выспаться.

Словом, вся моя нервотрепка с Верой Буниной, похоже, благополучно подходила к концу. Несколько минут – и я уже сидел на своем месте в салоне самолета рейса Москва – Париж, вбивая напоследок эсэмэску для Веры: «Срочно улетаю в Париж. Будешь уходить, закрой дом и ворота, ключи отдай Ольге».

Глава 3

Любовь с первого взгляда

Я люблю летать самолетами: за два-три часа полета можно решить уйму дел – прочитать давно откладываемую книгу, на которую в рутину бытия катастрофически не хватает времени, помедитировать, помечтать, послушать любимую музыку или просто-напросто выспаться.

На этот раз полет с первых минут обещал мне много приятных моментов: рядом со мной устроилась, приветливо улыбнувшись, настоящая красавица – миниатюрная юная девушка с вьющимися светлыми волосами до плеч и серыми, немного грустными глазами.

– Здравствуйте, – любезно улыбнулся я в ответ, тут же вскочив, чтобы помочь красавице закинуть сумку на полку. – Меня зовут Ален. А вас?

Ясное дело, на всякий пожарный я говорил по-французски – для меня это второй родной язык, и я с легкостью перехожу с русского на французский и обратно, не ощущая особой разницы.

Девушка сдержанно улыбнулась и кивнула, но ответила почему-то по-русски, хотя и с легким очаровательным акцентом.

– Очень приятно. Меня зовут Мари. Маша. Вы хорошо говорите по-французски, но вы ведь русский?

Как хотите, но это предположение, к тому же высказанное с французским акцентом, слегка меня обидело. Интересно, на мне, что, написано, что я русский? Во всем моем облике ни капли французского шарма?

Я откашлялся и слегка натянуто улыбнулся.

– Полагаю, могу принять это за комплимент? Как правило, русский человек славится широтой души и статью. Но вообще-то я полукровка: моя мама – русская, мой отец – француз. А вы? В вашем русском заметный акцент, но говорите вы легко, без напряжения.

Я тут же отметил интересную особенность девушки Мари-Маши: слушая обращенную к ней реплику, она очаровательно наклоняла голову к правому плечу и слегка хмурила брови. Выслушав фразу до конца, тут же кивала, мимолетно улыбалась, словно радуясь тому, что все поняла, после чего давала ответ.

– Моя бабушка Агафья была русской, – произнесла она чуть дрогнувшим голосом и ностальгически вздохнула. – Боже мой, бабуля была моим самым родным и близким человеком! Мама вела светский образ жизни, и я ее почти не видела, отец умер еще до моего рождения... Так что с бабулей мы были самыми близкими подругами! Она говорила со мной только по-русски, и, уверяю вас, в детстве я разговаривала без малейшего акцента! Русский язык я начала немного забывать уже в юности, когда училась в лицее и общалась со сверстниками. К тому времени моя дорогая бабуля умерла. Царствие ей небесное!

Мари печально улыбнулась, быстро перекрестившись, спеша пояснить мне каждый свой жест.

– Бабуля всегда говорила «Царство небесное!» и крестилась, когда речь заходила о мертвых и когда мы с ней ходили на кладбище навещать могилу ее мамы, моей прабабушки Натали. И еще она часто просила прощения у бога за свои грехи: прости меня, Господи. А я каждый раз думала: «Господи, за что ты прощаешь мою бабулю? Она – лучшая на свете!»

Как хотите, а я был очарован: смотрел в серые глаза, в которых сквозили легкая грусть и усталость, на рисунок чуть припухлых губ, и мне хотелось обнять бедняжку Мари, нашептывать ей прекрасных сказок, чтобы она ни о чем не заботилась, ни о чем не тосковала, а лишь улыбалась миру.

Сейчас я отдаю себе отчет в том, что, возможно, в моей мгновенной влюбленности присутствовала вина Веры Буниной – на фоне ее пошловатых манер и общего баскетбольного облика Мари выглядела хрупкой Дюймовочкой, под руку с которой хотелось улететь в синь неба.

Мы еще немного поболтали; я рассказал о моей любимой русской бабуле из-под Тамбова, и Мари тут же светло улыбнулась, а разговор несказанно оживился: каждый вспоминал лучшие моменты детства и бабушкины сказки. В какой-то момент грустинка моей соседки словно растаяла – она весело и беспечно улыбалась мне, а под конец тепло сжала руку.

– Спасибо, Ален! Я так давно ни с кем не вспоминала бабулю, а с вами... Ко мне будто вернулись силы и желание жить!

Увы, я не успел уточнить всего, что касалось мрачноватой фразы насчет вернувшегося желания жить – к этому моменту стюардессы стали разносить пассажирам обед. Мари в очередной раз неувовимо изменилась: словно сняла с лица маску теплого дружелюбия, улыбнулась мило, но неожиданно холодно кивнула и, пожелав приятного аппетита, принялась за трапезу. Мне не оставалось ничего, как сделать то же самое, хотя, если честно, голода я совершенно не ощущал.

По-быстрому покончив с едой, я терпеливо дождался, пока стюардесса принесет нам по чашечке кофе, судорожно обдумывая следующую подходящую тему для разговора. Сделав глоток, я развернулся к Мари и торопливо задал первый пришедший на ум вопрос:

– А вы любите кофе?

Мари по своему обыкновению кивнула.

– Кофе я люблю, – она тут же слегка нахмурилась и усмехнулась с ноткой тоски. – А вот чего я не люблю – так это собак! С детства. Когда мне было пять лет, меня укусила одна огромная псина.

Признаюсь, я опешил от столь неожиданного витка мысли – от кофе к кусачим собакам. Но Мари при всем при том была так очаровательна и мила, что я лишь улыбнулся.

– А вот я люблю собак – быть может, потому, что мне повезло и ни одна из них ни разу меня не укусила. К тому же эта моя поездка к отцу не простая, но с нагрузкой: он попросил привезти ему бездомного московского пса. Так что я лечу не один, а в компании славной дворняги по имени Билли. Дело в том, что...

Тут Мари неожиданно оживилась – она прервала меня на полуслове, притом опустив свою прохладную ладонь на мою дрогнувшую руку.

– Да что вы говорите! Вот это совпадение! Одна моя парижская подруга тоже попросила меня привезти ей бездомного пса из Москвы. В последнее время в Европе это мода: принимать под свою крышу бездомных животных из России...

Короткая пауза, мимолетно нахмуренные бровки – и Мари вновь вскинула на меня взгляд своих серых очей:

– Скажите, а вы случайно брали пса не в приюте «Друг человека»?

Я усмехнулся:

– Именно там. Вы тоже?

– Я тоже!

Тут Мари бессильно откинулась на спинку кресла – при этом она выглядела такой несчастной, что мне в очередной раз захотелось ее обнять, дружески посочувствовать и ободрить, сказать нечто успокаивающее в духе «все пройдет зимой холодной».

– Вы не представляете: я так устала! У меня и без того в последнее время сплошные проблемы, а тут еще эта просьба насчет собаки...

Она полузакрыла глаза и говорила вполголоса, чуть хрипловато.

– Моего пса зовут Тоха – это огромный лось, который при желании мог бы съесть меня, не подавившись. Та дама из «Друга человека» прыгала вокруг Тохи, словно он дитя малое,

только что в носик не целовала. А я с ужасом вела его на поводке и вздохнула свободно, лишь только когда сдала в багаж. Слава богу! Что ни говори, я предпочитаю общаться с людьми, а не с животными. В аэропорту меня встретит приятель подруги и заберет это сокровище.

Пока она монотонно выдавала сей монолог, я любовался ее лицом. Я не художник, но именно вот такие лица хоть на мгновение, а делают из нас творцов – были бы у меня под рукой краски-кисти, я бы попытался живописать эту красоту.

Представьте себе: бледное, почти что мраморно-белое лицо с довольно крупным ртом со слегка припухшими губами и небольшими, но очень яркими серыми глазами удлинённой формы в окружении темных густых ресниц. Тонкие светлые брови, чуть выющиеся палевые пряди волос, то и дело падающие на лицо, каждый раз поправляемые тонкими нервными пальцами...

– Вы меня гипнотизируете?

Голос Мари заставил меня вздрогнуть – я так ею залюбовался, что не сразу понял, что девушка выпрямилась и теперь требовательно смотрит на меня, сурово нахмутив брови.

Вероятно, я покраснел. Впрочем, я тут же постарался взять себя в руки и беззаботно улыбнуться.

– Извините, Мари. Наверное, не очень хорошо так пялиться на девушку, но у вас такое прекрасное лицо, что я не мог устоять – попросту вами любовался. Еще раз прошу извинения.

Несколько секунд Мари хмурилась и наконец улыбнулась, кивнув, словно соглашаясь с моими доводами.

– Вы сказали «пялиться», а я вновь вспомнила бабулю – это было одно из ее любимых слов. Она очень весело рассказывала, как познакомилась со своим мужем, моим дедом, которого я никогда не знала. Помню, как она рассказывала мне за вязанием: «Он так на меня пялился! А я подхожу к нему и говорю: «Хватит пялиться, сударь, после таких взоров извольте на мне жениться!»

Тут уж настала очередь покраснеть Мари – внезапно смутившись, она даже прикрыла ладошкой рот:

– Только не подумайте, что я вам намекаю!.. Я просто вспомнила бабулю Агафью. На мне вам жениться нет нужды – у меня уже есть жених, так что пяльтесь, сколько вам угодно, сударь!

Мы еще немного посмеялись, пошутили, и Мари вдруг снова словно вспомнила нечто не слишком приятное – внезапно нахмурилась, довольно сухо сообщила мне, что хотела бы немного поспать, а потому просит больше на нее не пялиться.

Разумеется, я обещал ей, и на том наше общение закончилось; через сорок минут, как только самолет совершил посадку в аэропорту, моя прекрасная соседка почти мгновенно исчезла, поспешив на выход, оставшись в памяти как «мимолетное виденье, как гений чистой красоты».

Глава 4

Здравствуй, папа!

Слава богу, меня встречал отец; вы не можете себе представить, как я обрадовался, очутившись с Билли в зале ожидания и тут же увидев его, приветствующего меня небрежным жестом руки. Дело в том, что обычно отец меня никогда не встречает, потому как полагает, что я – давно взрослый индивид, который неплохо зарабатывает в его косметической фирме, а потому вполне может самостоятельно добраться на такси до Сент-Женевьев-де-Буа – симпатичного городка под боком Парижа, где и располагается его славный особнячок.

Впрочем, на этот раз причина казуса легко разъяснилась с первых же минут. Рядом с отцом стояла, лучась улыбками и буквально подпрыгивая на месте от нетерпения, совсем юная девчушка: тонкая, как подросток, с гривой белокурых волос, в легкой курточке и потертых джинсах. Она первой кинулась ко мне навстречу, но обнимать и тормошить принялась не меня, а засмущавшегося Билли.

– Привет, привет, мой малыш! О-о-о, да ты настоящий красавчик! Москвич! Я тебя полюбила с первого взгляда, ты настоящий душка! Дай лапку! Умница – он дал мне лапку!

Последнюю фразу она с восторгом выкрикнула, на мгновение обернувшись к отцу, который лишь снисходительно пожал плечами, и тут же вновь затормошила своего новоявленного питомца:

– Так ты понимаешь по-французски? А я уже начала изучать русский, купила себе целую гору учебников! Я могу сказать тебе по-русски...

Тут она приняла серьезный вид и произнесла с очаровательной старательностью: «Спа-си-бо!»

При этом не переставала трясти, обнимать и целовать окончательно сконфуженного Билли. Еще немного, и, казалось, пес произнесет если не по-французски, то по-русски: «Мадемуазель, хотя бы поздоровайтесь для начала с моим провожатым!»

В конце концов эту самую фразу вальяжно произнес мой отец, после того как мы с ним вполне по-дружески обнялись и традиционно похлопали друг друга по плечам.

– Дорогая Лулу, тебе бы следовало в первую очередь поприветствовать Алена. Поднимись, прошу тебя, и поцелуй – только в щеку! – моего дорогого сына.

И, пока ничуть не смутившаяся Лулу бойко чмокала меня в щеку и горячо трясла мою руку, отчего-то все повторяя слово «товарищ», Старый Лис представлял нас друг другу:

– Мой дорогой сын Алел... Моя подруга Лулу... Как, Алел, зовут собаку? Билли! Что ж, прекрасное имя – приветствуем тебя, Билли! Рад, что все мы познакомились. Ну а теперь давайте отправимся домой – сказать по правде, мне уже до чертиков надоел этот аэропорт!

Разумеется, мы не заставили себя ждать, тут же направившись на выход: впереди весело трусили Лулу с Билли на поводке, за ними энергично вышагивали мы с отцом. Уже рассаживаясь в машине, я вдруг вспомнил, что мне говорила Анастасия насчет слабительного эффекта снотворного, тут же донес эти сведения до Лулу, которая только махнула ручкой, удобно устроившись в обнимку с Билли на заднем сиденье:

– Уверена, ничего такого Билли сейчас совершенно не хочет – смотрите, он все еще такой сонный! Облегчится дома, где-нибудь в нашем саду – там полно замечательных кустиков!

И мы отправились домой.

По приезде на место, едва открылись дверцы машины, вполне пришедший в себя Билли рванул в заросли шиповника в дальнем конце сада, Лулу с веселым хохотом броси-

лась за ним, а мы с отцом, поулыбавшись-поумилявшись на эту мирную картинку, прошли в дом, где я первым делом поднялся в свою комнату на второй этаж, чтобы разложить вещи по ящичкам в шкафу и переодеться.

На календаре был месяц октябрь, стояли последние теплые дни парижского бабьего лета. Приняв душ и переодевшись, я спустился на кухню, и мы с отцом накрыли стол к ужину на террасе.

Сказать по правде, Старый Лис великолепно умеет готовить, но, в отличие от меня, он чрезвычайно ленив и не любит утруждать себя лишней работой. Поэтому на протяжении не одного десятка лет у него трудилась приходящая прислуга – славная мадам Пико, женщина с золотыми руками, которую я помню еще с детских лет, когда мы с Ольгой, бывало, проводили у отца пару-тройку недель на летних каникулах. И вот теперь, как с довольным видом сообщил мне отец, в услугах мадам Пико больше не было нужды: ее заменила Лулу, наилюбимейшее хобби которой – кулинария.

Итак, мы со Старым Лисом неторопливо ужинали на террасе. Лулу, перекусив буквально на ходу, от ужина отказалась: она резвилась с Билли в саду. Мы с отцом полюбовались, как в стремительно сгущавшихся сумерках они гоняют мяч по все еще зеленой лужайке, после чего я по просьбе Старого Лиса изложил страшную сказку об ужасной Вере Буниной, завершив рассказ описанием своего бегства из Москвы и благополучным прибытием в его, отцовские, оберегающие объятия. Отец только хмыкнул и поднял свой стакан с джином – мы чокнулись и выпили, еще немного посидели молча и наконец разбрелись по своим комнатам.

Естественно, события этого бурного дня потрясли из меня все силы – я ощутил это, рухнув в кровать. Несколько минут поворочавшись в благоухающих простынях, повздыхав и поохав, я подумал, что все хорошо, что хорошо кончается, загадал желание, чтобы Вера Бунина послушалась моей эсэмэски и покинула мой дом, отдав ключи Ольге, после чего погрузился в сон.

Глава 5

Здравствуй, Париж!

Где-то я прочел простую и замечательную фразу о том, что, когда человек счастлив, время для него летит незаметно. И вот, в этот зарождающийся день октября по всему выходило, что я был абсолютно несчастлив, потому как, проснувшись, несколько минут лежал, буквально кожей ощущая, как время невообразимо медленно тянется, в душе растет тоска, а в голову приходят мрачные мысли в духе «Зачем я прилетел к отцу?» и «Что делать дальше?».

Весь дом был погружен в тишину, а когда серый рассвет стал вползать в комнату, я услышал, как отец неторопливо спустился на кухню и включил кофейный агрегат. Старый Лис жаворонок: встает очень рано, ложится сразу после десяти вечера, трудится без счета времени, все свои силы отдавая родной фирме. Стало быть, можно с полной уверенностью сказать, что собственные благополучие и обеспеченность он честно заработал.

Следующей моей мыслью было, что, раз уж я проснулся, лучше по-быстрому встать и присоединиться к отцу: выпить в его компании чашку кофе, обсудить труды праведные на благо родных «Садов», а заодно договориться о безвозмездной аренде автомобиля из его гаража, чтобы свободно передвигаться по Парижу.

В одно мгновение я ощутил прилив сил, вскочил, оделся и почти кубарем скатился по лестнице на кухню.

– Ты уже встал? – удивленно вздернул брови Старый Лис. – Это я только приветствую. И что ты теперь намерен делать?

Устроившись за столом и приняв чашечку горячего кофе из его рук, я кратко изложил свои планы на ближайшее время и конкретно – на этот день: работать на «Сады Семирамиды» в поте лица, первым делом побеседовав на месте с моим парижским коллегой Анри Бюссе о наилучшем оформлении сайта фирмы – и прочее, прочее, все в том же духе.

Выслушав, отец бросил на меня недоверчивый взгляд и даже покачал головой, высказав вполне здоровое предположение, что, скорее всего, Анри не будет в восторге от моего вмешательства в его дела.

Я заверил отца, что проявлю массу корректности и буду при Анри лишь смиренным наблюдателем, при необходимости все «оформив» как прекрасную возможность лишний раз поучиться у настоящего аса рекламы.

Отец в общем и целом согласился. Пара минут – и мы решили с ним вопрос с автомобилем (я «арендовал» его зеленый «Рено»), после чего расстались на некоторое время, вновь разойдясь по своим комнатам.

Очутившись в своей комнате, пристроившись на софе, неожиданно я вновь уснул и пришел в себя ближе к обеду, услышав радостные вопли Лулу во дворе, где она азартно играла в футбол с псом, который, судя по всему, вполне осознал, что у него реально появились великолепные хозяйка и место жительства, и пребывал оттого в состоянии перманентного восторга.

Я потянулся, зевнул, лениво спустился на кухню, где пообедал, выяснил у раскрасневшейся от беготни Лулу, что отец в своем кабинете завершает работу по счетам, после чего собирается ехать в офис. Не дожидаясь его, я прыгнул в «Рено» и первым отправился на работу.

Я неторопливо ехал по улицам и проспектам, и во мне возрождались радость и жизнерадостность, как всегда бывает при встрече со старым другом. Париж! Древний и вечно молодой, сонный под покрывалом дождей предзимья и великолепно-сумасшедший в пору цветения,

то серый и мрачный, то пронизанный ослепительными лучами солнца. Живой! Живой город, каждый раз по приезде словно открывающий мне свои дружеские объятия. Для меня Париж не менее реален, чем тетушка Мила из Одинцова, а потому теперь, щурясь от солнца, что щекотало меня сквозь ветровое стекло, я готов был рассмеяться: здравствуй, Париж!..

Но мое приподнятое настроение едва не подпортила жуткая Вера Бунина – неожиданно раздался звуковой сигнал сотового, и на его экране высветилось сообщение: эсэмэска от фурии! Я тут же отшвырнул телефон в сторону, а из головы постарался выкинуть Веру Бунину, заставив себя улыбнуться пошире – черт возьми, продублируем сказанное: я – в Париже! В дивном городе, с которым меня связывает масса прекрасного и светлого, ведь здесь мы с сестрой Ольгой ежегодно проводили в общей сложности месяц-два-три, отправляясь на каникулы, а то и просто на выходные к отцу.

Вдруг я подумал, что свой первый день по приезде не следует сразу же посвящать работе – для начала неплохо бы встретиться со старыми друзьями и просто с приятными людьми. Надо ли говорить, что в Париже у меня таковых – воз и маленькая тележка! И среди всех имен и лиц, связанных с вечной сказкой Парижа, на этот раз первым на память мне пришло одно: Аиша.

Наверное, у многих это имя вызовет улыбку: тут же на память придет песенка алжирца Халеда о красавице Аише, к ногам которой несчастный складывает жемчуга и драгоценности, а она при всем при том проходит мимо, словно и не видит влюбленного страдальца. Когда несколько лет назад нас с Аишей представили друг другу на одной из парижских тусовок, я, помнится, едва услышав ее имя, расплылся в улыбке, а она строго погрозила мне пальчиком: «Только, пожалуйста, не начни напевать ту самую песенку!..»

Аиша Мистроне с первых же мгновений вызвала у меня симпатию: миловидная девушка с длинными темными волосами, карими глазами и лукавой улыбкой, она словно излучала доброту и жизнерадостность. Отец – итальянец, мать – египтянка, а сама Аиша, плод любви и единства семейного союза Мистроне, стала коренной парижанкой, блестяще окончив Сорбонну и успешно работая в прессе. А в тот, первый вечер нашего знакомства нас подружили арканы Таро.

Не знаю, как кто, а меня с детства притягивала магия карт. Бывало, в деревеньке под Тамбовом, в гостях у моей любимой бабули Варвары я часами мог, открыв рот, наблюдать, как она неторопливо раскладывает засаленные карты в таинственный рисунок на столе и, указывая то на одну, то на другую сморщенным пальцем, рассказывает удивительные истории своим бабулькам-соседкам, а также их дочкам и внучкам – всем тем, кто просил ее «погадать».

Сам я никогда даже и не пытался освоить науку гадания, но вот интерес к искусству мастеров имею немалый. Несколько минут легкой болтовни с Аишей – и сам собой всплыл завораживающий меня факт: моя новая знакомая – великая искусница в гадании на картах Таро.

В тот же вечер мы с ней уединились в тихой комнате, подальше от танцующей и поглощающей спиртное молодежи, и Аиша нарисовала яркую картину: краткое, но увлекательное обучение в вузе, встреча с любовью всей моей жизни, необыкновенные радости и бесконечные проблемы, с этой любовью связанные, а также отъезд матери в далекую жаркую страну.

Серьезно отнестись к этому гаданию меня заставили уже первые слова о моем «увлекательном» обучении: дело в том, что тем летом я приехал в Париж, уже будучи новоиспеченным студентом актерского факультета ВГИКа. Ну а на предсказания насчет «краткости» обучения мне только и оставалось, что приподнять бровь – в то время я был уверен, что успешно окончу вуз. И тем не менее все сбылось с великой точностью: во ВГИКе я продержался лишь один год, но зато с первых же шагов повстречал синеглазую Соню Дижон –

любовь всей моей жизни, с которой с тех самых пор мы перманентно ссоримся, миримся и даже время от времени изменяем друг другу, при всем при том ни на мгновение не теряя живой нити, что связывает наши влюбленные сердца. Сбылось и предсказание насчет маминного отъезда – как только я забрал документы из ВГИКа, она решилась-таки отправиться по приглашению своих бывших студентов работать в танзанийский национальный парк Серенгети (жаркая страна!).

Надо отметить, что нынешним октябрём Соня тусовалась в Женеве, на родине ее покойного отца, заодно с большим успехом выставляя там в галерее свои художественные полотна. Перед самым ее отъездом мы по традиции красиво поскандалили, дав друг другу временный «отпуск». И вот мой отпуск не задался с самого начала: кошмарики с Верой Буниной, следом – эта моя непонятная влюбленность в девушку из самолета, не имеющая абсолютно никакого смысла и будущего...

Вот почему я решил для начала отправиться к Аише – дружески поболтать-посплетничать об общих знакомых, испить вместе с ней кофе в кафе «Магия», что в двух шагах от ее дома, а потом смиренно просить мастера Таро сделать мне, горемычному, расклад: что ждет меня в ближайшие дни и есть ли шанс увидеть свет в конце туннеля.

Притормозив у обочины, я позвонил, и с первых же слов приветствий с облегчением улыбнулся: Аиша была в настоящий момент совершенно свободна и до чертиков рада перспективе со мной увидеться.

Таким образом, первый параграф дел на сегодня был очень приятным: Аиша, кафе «Магия», предсказания Таро. Я развернул машину и направился на встречу с гадалкой.

Глава 6

Предсказания Аиши

Как всегда, Аиша встретила меня эмоционально: крепко обняла, похлопала по плечу, потрепала ладошкой по щеке, троекратно расцеловала, после чего наконец мы устроились за нашим привычным столиком в глубине зала – подальше от чужих глаз и ушей, ведь, по доброй традиции наших парижских встреч, Аиша, заказав в баре два кофе с имбирем и корицей, первым делом достала свою любимую колоду – Таро Тота.

Пару минут она смотрела на меня с таинственной улыбкой, неторопливо тасуя карты, потом рассмеялась, ткнув колоду на стол между нами:

– Нет, как все-таки здорово, что ты приехал!

Не представляете, как приятно было слышать эти искренние слова! Я, невольно заражаясь улыбкой Аиши и всем ее восторженно-радостным настроением, тоже рассмеялся, кивнув:

– Это правда здорово, но понял я это только сейчас, когда ты мне подсказала!

Мы еще немного посмеялись, нам принесли наш кофе, и, сделав пару глотков, Аиша глубоко вздохнула и принялась за свой расклад.

Под негромкую музыку удивительные карты ложились сложным узором, смуглые тонкие пальчики Аиши легко оглаживали каждую, словно благодаря за любезно предоставленную информацию.

– Дорогой мой, у тебя сейчас наступает очень непростой период – непростой, но зато очень яркий, насыщенный самыми необычными событиями...

Тут Аиша внезапно нахмурилась и, выкладывая карты друг за дружкой, покачала головой, взглянув на меня тревожными глазами.

– О боже мой, Ален! Ты только не паникуй, но я должна тебя предупредить: главное действующее лицо данного периода твоей жизни – смерть. Великое и вечное таинство! Смерть будет во главе всего, именно она станет направлять твои действия, придавая им смысл – только не спрашивай меня, что конкретно это значит, жизнь очень скоро сама тебе покажет!

Мимолетная улыбка, взгляд карих глаз, и снова заплясали юркие пальцы, выкладывая новые и новые карты на столе.

– Ага! Короткая история любви – очень короткая! – и снова смерть. Ты будешь двигаться по ужасному лабиринту, и вот здесь главное – не терять веры в собственные силы, тогда благополучно дойдешь до выхода, и наградой за труды будет некий ценный презент и...

Тут Аиша весело рассмеялась.

– И новая чудесная любовь! Ну, естественно, лучшая награда Алену за все его подвиги и страдания – новая любовь. Но, знаешь, думаю, мне все-таки следует еще раз предупредить тебя...

Улыбка мгновенно растаяла на лице гадалки, а сама она, в очередной раз рассматривая получившийся расклад, выложив еще три карты поверх, вновь нахмурилась и покачала головой:

– Да, предупреждаю тебя, Ален: будь осторожен! По всему выходит, что смерть – главная героиня этого расклада. Причем, вполне возможно, что смерть будет угрожать и тебе самому. – Аиша посмотрела на меня почти умоляюще. – Пожалуйста, будь предельно осторожен во всем!

Конечно, услышать подобное пророчество вряд ли кому-нибудь будет приятно. «Великое таинство смерть!» Красиво звучит, а в реальности – мало приятного. Но, разумеется, перед девушкой мне не хотелось терять геройского вида, потому я лишь усмехнулся с видом бывалого моряка.

– В чем конкретно мне быть осторожным? – я даже подмигнул тревожно смотрящей на меня подруге. – При переходе улицы? Слава тебе господи, мой самолет вчера благополучно приземлился!..

– Опасность порою ждет нас в самом безобидном месте! – нетерпеливо перебила меня Аиша. – Конечно, ты должен аккуратно переходить дорогу и в ближайшие две-три недели лучше отказаться от полетов на самолете, но...

Тут она погрозила мне пальцем:

– Но, мой дорогой, я знаю, как ты любишь лихачить за рулем! Как и во всем остальном. К примеру, если сегодня или завтра кто-нибудь из знакомых пригласит тебя гулять ночью на Монмартре, откажись! Это в твоих собственных интересах – поверь мне на слово, крайне редко выпадают такие «смертельные» расклады!

Как же дивно хороша в этот момент была Аиша! Но лично для меня то был недоступный плод: увы, моя добрая подруга исповедовала однополую любовь, при всем при том относясь ко мне почти что с материнской нежностью и заботой.

Чтобы успокоить гадалку, я постарался улыбнуться уверенно и бодро, одновременно потрепав ее по плечу.

– Все будет хорошо, не переживай, дорогая Аиша! Предупрежден – значит вооружен. Буду начеку! Но вообще-то, – тут я лукаво подмигнул, – вообще-то из всего твоего гадания я отмечаю главное: та любовь, что сейчас заставляет ныть мое сердце, возможно, останется лишь мечтой, зато, когда я тут, в Париже, немного помучаюсь, потом встречу дивную красавицу и с лихвой отомщу Соне Дижон за все ее измены!

– Только это меня и успокаивает: тебя действительно ждет любовь, – усмехнулась Аиша, рассматривая карты. – Да и общий итог расклада стопроцентно оптимистичен: все кончится благополучно.

На этом наши гадания завершились: Аиша спрятала карты в мешочек, мы заказали еще кофе и в течение часа весело перебивали кости нашим общим парижским знакомым, после чего я в качестве психотерапевта выслушал личные проблемы Аиши и дал ей мудрый отеческий совет. Под конец мы в третий раз заказали и выпили кофе – за мир, дружбу, за любовь – и расстались, вполне довольные жизнью и друг другом.

Вот теперь можно было отправляться в контору «Садов».

Глава 7

Влюблен по собственному желанию

По дороге к «Садам», по просьбе Аиши стараясь ехать без лихачества, я составлял примерный распорядок дел на сегодня: сначала в контору, немного потружусь или сделаю таковой вид, после чего отправлюсь в одно из милейших кафе где-нибудь на Монмартре, подцеплю симпатичную длинноногую девицу и загуляю с ней на всю ночь.

Я усмехнулся: слышала бы меня Аиша! Как раз насчет этого она меня и предупреждала час назад: смотри, не загуляй на Монмартре ночью, помни – таинство смерти подстерегает тебя! Что поделаешь – как говорится, живем мы только раз. Будем считать, что судьба предоставила мне законный отпуск в столице моды и любви. Гуляй не хочу!

Но, как говорится, человек предполагает, а бог – располагает. Все оказалось в сто раз удивительнее и чудеснее. Поднявшись на второй этаж старинного здания, где находится парижский офис «Садов», я вошел в приемную отца и ошарашенной и изумленной улыбкой на лице: на месте секретаря меня встречала Мари!

Она показалась мне еще бледнее и грустнее, чем вчера, – сидела за огромным столом, отчего казалась совсем хрупкой, и тоскливо водила ручкой по листку бумаги, бесцельно рисуя какие-то линии и круги. При звуке моих шагов подняла голову, встретила со мной взглядом...

Боже мой, трудно передать, что я испытал, увидев, как лицо печальной красавицы вдруг обрело нежно-розовый цвет, глаза вмиг засияли, и Мари радостно улыбнулась!

– Ален! Неужели это вы?

Это были ее первые слова. Каюсь: я стоял на месте и, наверное, улыбался, как последний дурак – широко, счастливо, с оттенком легкой шизофрении. А как бы вы отреагировали на этот чуть дрогнувший от искреннего волнения девичий голосок?

– Да, это я, Мари. А это действительно вы?

Мари рассмеялась. В одно мгновение весь ее облик, который при нашем вчерашнем знакомстве был преисполнен грусти и печали, вдруг резко переменялся: юная красивая девушка улыбалась... чувствовалось, что всю ее переполняет самая искренняя радость.

– Господи, наверное, мы с вами выглядим как два сумасшедших! – первой спохватилась она, продолжая все так же улыбаться. – Я и сама не пойму, что со мной. С утра все было так ужасно: я шла на работу и сама не знала, чего хочу. И вот – увидела вас, и все мрачные мысли исчезли сами собой! Теперь вот еще заставить бы себя приняться за работу...

Тут Мари мимолетно нахмурилась, пальцем потерев переносицу.

– Кстати, а что вы здесь делаете? Наверное, зашли по делу к мсье Муару? Он должен скоро подойти...

В этот момент отец в распахнутом плаще появился за моей спиной и тут же направился к своему кабинету, на минуту задержавшись у двери. Он подозрительно перевел взгляд с моего блаженно улыбающегося лица на лицо порозовевшей Мари.

– Добрый день, Мари. Что тут у вас происходит?

Бедняжка Мари стушевалась и начала было что-то объяснять, но тут уж я решительно взял слово.

– Извините, Мари, мсье Муар – мой отец, – при этом я чуть поклонился в сторону Старого Лиса, одновременно вызвав у Мари изумленный взгляд. – Отец, мы с Мари познакомились вчера в самолете – наши места были рядом. Она – удивительный человек. А поскольку я прилетел в Париж на каникулы, не мог бы ты сегодня отпустить Мари?

Старый Лис сразу забурчал, что Мари и без того брала три дня отпуска, только вернулась, и вот опять... Я прервал его бурчание взглядом – попытайтесь представить, что он прочел в глазах несчастного сына, сбежавшего из Москвы от нелюбимой навязчивой мамзель и влюбившегося в славную соседку по креслу авиарейса Москва – Париж! Как бы там ни было, отец крикнул и, раздраженно мотнув головой, торопливо исчез в своем кабинете, от души хлопнув дверью.

Мари вздрогнула от этого сурового стука и посмотрела на меня испуганными серыми глазами.

– Для чего вы попросили меня отпустить? Мсье Муар очень недоволен.

Я беспечно пожал плечами и широко улыбнулся.

– Наоборот: он пожелал нам прекрасно провести время. Надеюсь, вы, Мари, не против еще одного дня отпуска?

Я протянул ей руку:

– Приглашаю вас, мадемуазель, на волшебную прогулку по Парижу!

И мы, взявшись за руки, смеясь, как дети, оставили офис...

Наверное, каждый влюбленный, пусть и сто раз уже бывавший в Париже, отправляясь на прогулку с возлюбленной, невольно открывает этот город для себя заново. Во всяком случае, так было со мной в тот день. Казалось, я знаю Париж как свои пять пальцев, облазил буквально каждый район, прошел вдоль и поперек едва ли не все его улочки, аллеи, парки и проспекты – и все равно на этот раз город открылся мне с новой стороны.

Стояли последние дни бабьего лета: октябрьское солнце ласково играло в золоте и багрянце деревьев, ослепительно отражалось в ярких витринах магазинов и кафе; ветерок нашептывал на ухо сумасшедшие фантазии, каменные дома старого города словно оживали и подмигивали мне стеклами окон, а все встречные люди, как наилучшие друзья, тепло улыбались, будто радовались за меня и чуть-чуть завидовали: ведь я держал под руку самую нежную и удивительную девушку.

Я любовался Мари. Словно вдруг скинув некий ледяной панцирь, что до того сковывал все ее движения и даже мысли, она смеялась и напевала песни, сбиваясь с одной мелодии на другую и оттого тут же принимаясь вновь смеяться. На какой-то романтической улочке нас встретили хрипловатые звуки шарманки, и Мари вдруг принялась счастливо кружиться, увлекая и меня... Скажите, ну разве не ощутишь себя счастливейшим из смертных в такой момент?!

За время нашей прогулки мы с ней умяли несколько пакетов жареных каштанов и выпили литра два кофе во всех встречных кафе и быстро, начиная от парка Монсо и почти до самой Эйфелевой башни.

– Все просто замечательно! – выдохнула она, целуя меня и тут же, со смехом, своим платочком утирая следы помады с моих губ и подбородка. – Вот уж не знала, что счастье – в шаге от меня. И почему я не поняла все еще вчера?

Тут мы взглянули друг другу в глаза, в одно мгновение утонув в бездонном море любви и нежности, переместившись в волшебное измерение, где не было Парижа с его шумом и суетой, остались только мы двое, стремительно приближаясь к священному единству.

– Может, ты пригласишь меня к себе, прекрасный принц? – еле слышно прошептала Мари, проведя пальцем по моему лицу от виска к губам, без предисловий переходя с «пустого «вы» на «сердечное «ты».

– Едем!

Мы остановили такси и домчались до Сент-Женевьев-де-Буа в считанные минуты, на одном дыхании взлетели на второй этаж в мою комнату, где, захлопнув за собой дверь, горячо

обнялись, в очередной раз утонув в глазах друг друга, полностью отключившись от реального мира.

– Люби меня!

Эти нежные слова Мари выдохнула словно заклинание...

Глава 8

Выпьем за свободу!

Я очнулся вечером. За окном было еще довольно светло, но в комнате сгустились сумерки. Несколько секунд пролежав без движения, я наконец открыл глаза и повернул голову – рядом со мной белела лишь смятая подушка. Я задумался: то был сон или реальность? Прекраснейшая возлюбленная Мари шептала мне очаровательные глупости. Где же она теперь?

Я решительно поднялся, потянулся и, отчаянно зевнув, что есть силы тряхнул головой. Почти тут же до меня через окно донесся веселый женский смех с террасы и задорный лай Билли.

«Очаровательный Билли! Дай лапу, друг мой! Давай поздороваемся!» – это прозвучал голос Мари, заставив меня успокоиться и улыбнуться.

Стало быть, пока я от избытка эмоций находился в отключке, она привела себя в порядок, спустилась и к настоящему моменту успела подружиться с Лулу и Билли. Пора было и мне спускаться вниз.

– О, привет, Ален! Я так тебе благодарна за Билли – если бы ты мне его не привез, даже не представляю, что бы я делала!

Мое появление вызвало радостную реакцию Лулу – она сидела в кресле на террасе напротив Мари, а между ними, восторженно виляя хвостом, носился Билли, пытаясь выхватить из рук девиц мячик, который они со смехом перекидывали друг другу.

Я первым делом многозначительно улыбнулся Мари, после чего кивнул Лулу, дружески ей подмигнув.

– Я рад, что ты довольна, Лулу. Признаться, я и сам люблю собак, но у меня просто нет на них времени. А тебе – в самый раз!

– Точно! – восторженно рассмеялась Лулу. – Милый Жюль почти весь день на работе, а я с ума схожу, ожидая его возвращения. Но вот теперь я буду не одна! Правда, мой дорогой Билли? Дай лапу! Смотри, Мари, он понимает по-французски! Быть может, его бабушка или дедушка из французов?

Обе красавицы весело расхохотались, а я в очередной раз залюбовался Мари. Все-таки удивительно, как меняет человека радость! Еще вчера от девушки буквально веяло тоской и печалью, так что хотелось защитить ее неведомо от чего; и вот – она смеется, и все мгновенно расцветивается самыми радужными красками.

Мари перевела на меня взгляд своих волшебных серебристо-серых глаз, улыбнувшись особенной, нежной и чуть таинственной улыбкой.

– Представь себе, Ален: мы с Лулу давно знакомы! Вместе работали в рекламном агентстве «Мадлен». Правда, мы не были подругами, но всегда относились друг к другу с симпатией!

– Точно! – энергично кивнула Лулу, развернувшись ко мне. – Мари была одной из немногих, кто не сплетничал и не интриговал. А уж когда началась та дурацкая афера со шкатулкой Мими...

– Приветствую прекрасных дам!

Она не успела договорить – на террасе появился Старый Лис. Обаятельно всем улыбнувшись, он чмокнул Лулу в щеку, погладил Билли и вполне миролюбиво заинтересовался, как мы с Мари провели день.

– Замечательно, – улыбнулся я, в знак благодарности чуть поклонившись отцу. – Завтра, обещаю, мы, как и положено, выйдем на работу.

В ответ отец лишь многозначительно хмыкнул и, извинившись, отправился переодеваться. Мы еще немного поболтали с Лулу, дружески потрепали по загривку Билли и поднялись в мою комнату, на всякий пожарный прихватив с собой бутылочку шампанского.

Едва мы вошли в комнату, как Мари устало повалилась на мою разобранную широченную кровать под окном.

– Ты не представляешь, что я сейчас чувствую, – чуть хриловатым от усталости голосом произнесла она, с легкой улыбкой наблюдая, как я, скинув рубаху, разливаю шампанское по бокалам.

– И что же ты сейчас чувствуешь? – протянув Мари бокал, я уселся напротив, чокнувшись с ней и отпив из своего освежающий глоток.

– Радость! – Мари в свою очередь отпила и улыбнулась мне улыбкой ангела. – И одновременно – страх.

– И чего же ты боишься?

– Ты даже не удивился, что я чего-то или кого-то боюсь?

Я лишь пожал плечами.

– Как правило, все мы чего-то или кого-то если не боимся, то опасаемся. А ты показалась мне невероятно усталой и несчастной еще вчера в самолете. Признаться, это выглядело немного странно: такая юная, красивая – и такая грустная! А вот сегодня я просто любовался тобой: ты смеялась весь день – не представляешь, как тебе к лицу радость! Так что можешь смело выкладывать мне все свои беды-печали. Не бойся, я – с тобой!

Она глубоко вздохнула.

– И выложу! Я... Я боюсь остаться одна, – словно соглашаясь сама с собой, она кивнула. – Как моя бабушка, у которой муж умер рано. Как моя мама, которая тоже почти сразу осталась одна, прячась от одиночества в полусветских тусовках, в пьянстве. Понимаешь, весь наш род по женской линии будто проклят: мужчины, исполнив свою миссию – зародив в женском чреве свое будущее дитя, – тут же оставляют этот бранный мир. И бабушка, и мама всю жизнь несли свой крест одиночества. А вот я – я боюсь! Я не хочу быть одна. Лучше смерть, чем одиночество.

Признаться, я невольно вздрогнул: помнится, кто-то сегодня уже повторял это слово – смерть... Аиша! Ну, как же, именно она остерегала меня от легкомысленных поступков. Я вздохнул и по новой разлил шампанское.

– Совершенно напрасно боишься. Мари, ты красивая девушка, утонченная, интеллигентная. Наверняка, когда ты идешь по улице, все мужчины оборачиваются тебе вслед, – тут я приподнял левую бровь. – К тому же ведь ты сама говорила мне, что у тебя есть парень...

Мари, рассеянно улыбаясь, при последних словах еле заметно вздрогнула, и в ней вдруг что-то неуловимо изменилось.

– Есть, – она сдержанно кивнула и посмотрела на меня серыми, в один момент словно свинцом налившимися глазами. – Замечательный парень. И у нас все было очень даже неплохо. А потом... Потом что-то началось. Что-то не наше, чужое. И вот тогда мне стало страшно. Знаешь, это так ужасно, когда вдруг становится ясно: мы совершенно чужие. И я подумала: что, если так будет каждый раз? Знакомишься с человеком, влюбляешься, ощущаешь счастье... И внезапно все уходит. Ты смотришь на человека, который только что был родным, и удивляешься: это – незнакомец, чужой и холодный.

Признаться, под конец ее монолога я слегка приуныл. В самом деле, что касается нашей истории, то все было легко, красиво и вдохновенно, с каштанами и шарманкой. И зачем Мари

все испортила этим жутковатым завершением под шампанское: тоска одиночества, страх и все в том же роде!

– Знаешь, при желании можно припомнить миллион великолепных цитат про одиночество, – я приподнял свой бокал и взглянул сквозь пузырящееся золото напитка на задумчивое лицо Мари. – Все великие личности были одиночками. Дело в том, что, наверное, каждый человек по своей натуре одиночка. Штучный товар. Если я сам порой себя не понимаю, как меня может понять кто-то еще? Нужно просто жить и уметь видеть радость вокруг.

И вновь в Мари произошло неуловимое изменение – словно исчезла одна из красок в радуге. Она чуть презрительно усмехнулась:

– Ну, конечно. Только я – не великая личность, я – обычная девушка и хочу встретить не просто хорошего любовника, но сердечного друга. Понимаешь?

– Более-менее, – покачал я головой и с ободряющей улыбкой приподнял свой бокал. – Выпьем же за это!

– Выпьем!

Она махом опорожнила свой бокал и облизала мгновенно вспыхнувшие алым цветом губы.

– Все понятно, ты даже не хочешь попытаться меня понять – очень уж это неинтересно! Гораздо интереснее поваляться в постели и потом просто красиво распрощаться с самыми приятными воспоминаниями.

Как хотите, но после всей романтики дня эти слова меня покоробили, невольно заразив долей раздражения.

– Разумеется, ты бы предпочла, чтобы я распахнул тебе свои объятия: приди, дочь моя, исповедуйся, я выслушаю тебя от начала и до конца, а потом всплакнем на пару! Так, что ли? Нет уж, извини, дорогая Мари, – очевидно, ты перепутала меня с кюре.

Наверное, прозвучало все это чересчур холодно и насмешливо. Несколько секунд в комнате стояла звенящая тишина; когда я наконец осознав собственную грубость, уже готов был бухнуться перед красавицей на колени и просить прощения, Мари вдруг неожиданно рассмеялась – довольно легко и беспечно – и разлила по нашим бокалам шампанское.

– Стало быть, насколько я поняла, после всей нашей сегодняшней любви ты мне не сделаешь предложения руки и сердца. – Она даже подмигнула, дерзко улыбаясь мне, поднимая свой бокал. – Да и бог с тобой – представь себе, я еще тоже толком не нагулялась. Кроме того, вполне возможно, что мы с моим любимым все-таки помиримся, и он покается передо мной во всех своих грехах. Никто не знает, что будет завтра. А пока – будем пить за свободу!

Клянусь – она мне озорно подмигнула! От столь резких поворотов дамского настроения я язык проглотил, но послушно поднял свой бокал:

– За свободу!

– За свободу, дорогой!

Звон бокалов, допитое шампанское, и вслед за тем Мари, словно решив уморить парня своей дивной непредсказуемостью, вдруг накинулась на меня, головокружительно прильнув пульсирующим телом, с первым же прикосновением губ едва не заглотив всего с потрохами.

Разумеется, я тут же позабыл все свои ехидные комментарии и скорбные мысли о холостяцкой свободе – я любил и был любим, значит, в тот момент ощущал себя абсолютно счастливым. Все закружилось в дивном вальсе и сумасшедшем танго, завершившись очередным провалом в пропасть счастливых сновидений.

– Кстати, та афера с вашей славной Лулу...

Уже наполовину во сне, я еще слышал реплику Мари и даже пытался поддержать диалог.

– Наша славная Лулу...

– Так вот, та афера...

К этому моменту я уже сладко спал.

Глава 9

Ночные приключения

Эта ночь выдалась на редкость бессонной – и, увы, вовсе не из-за великой силы любви. По мне – так я бы проспал до самого утра как убитый, настолько был переполнен и истощен всеми эмоциями дня. Но жизнь груба – против своей воли я очнулся среди ночи, ощущая головную боль и непонятное раздражение.

Разбудил меня жутковатый вой. Всплывая из темной бездны сна, я лениво пытался понять, что к чему. Кто воет? Зачем? Что еще случилось? Тут же откуда-то проявился следующий, классический в подобных обстоятельствах, вопрос: а, собственно, где я нахожусь? Дома, в Москве? В Париже? В поезде, в самолете?

Тут наконец я глубоко вздохнул и, до последнего отчаянно не желая открывать глаза, попытался припомнить: кажется, я не дома... Это уже был прогресс, как и следующая нарисовавшаяся мысль-итог: кажется, я у отца. В Париже! А если быть точным, то в Сент-Женевьев-де-Буа.

Я открыл глаза и сразу же встретился с тревожным взглядом Мари, наклонившейся почти к самому моему лицу, испуганно шепча:

– Там происходит что-то ужасное! Внизу – кажется, на кухне!

Совсем хорошо! Мгновенно мне припомнилось мое последнее амурное приключение, что началось с совместного полета в самолете: печальная сероглазая Мари, наши романтические прогулки по Парижу, аромат кофе и беспечная болтовня двух влюбленных.

– Мари?

Наверное, мой вопрос-утверждение только вызвал отчаяние красавицы – она почти мученически сморщилась и кивнула:

– Да, да, я – Мари! Хорошо, что ты помнишь мое имя, но не в том дело! Побystрее приходи в себя, Ален. Там, внизу, на кухне, что-то происходит. Мне кажется, Билли сражается с грабителями!

Разумеется, все это выглядело довольно забавно, но я не успел ничего ответить – до нас вдруг донеслись грозное рычание Билли и чей-то отчаянный вопль и грохот перевернутого стола на террасе. В одно мгновение я пришел в себя, без лишних слов вскочил и рванул вниз.

Несмотря на глухую ночь, на кухне я оказался не один, и картинка предстала весьма впечатляющей. Представьте себе: я летаю на кухню, всю залитую лунным зыбким светом, и вижу широко распахнутую стеклянную дверь на террасу, развевающуюся белоснежную занавеску, которая, казалось, была соткана из все того же лунного света, огромный шар луны и силуэт Билли, задравшего по-волчьи морду и воющего на все ту же мистическую луну.

Естественно, я на мгновение замер, слыша, как кухню заполняет бешеный стук моего сердца. И почти тут же вся мистика благополучно завершилась: за моей спиной раздались деловитые шаги отца, который первым делом включил свет и, недовольно сморщившись, осмотрел меня с ног до головы с легкой укоризной.

Отдельно добавлю, что я как лежал в кровати – гол, как сокол, – так по сигналу тревоги вскочил и рванул на выход, не имея времени задуматься о последствиях. Между тем мой не паникующий ни при каких обстоятельствах отец многозначительно приподнял бровь и поплотнее запахнулся в свой халат.

– Мой дорогой Ален, ты прекрасен, как Аполлон, и все-таки я буду настаивать, чтобы ты немедленно поднялся к себе и накинул на себя хоть что-нибудь. После этого ты спустишься и расскажешь мне, что тут приключилось.

Я не мог отказать в столь пустячной просьбе родному отцу, а потому по-быстрому поднялся к себе, успокоил Мари, трясущуюся от страха под одеялом; пообещав ей, что я скоро вернусь и все расскажу, накинул халат и вновь спустился.

Отец к этому времени закурил гаванскую сигару и налил себе чуток джина. При виде меня одетого одобритительно кивнул и произнес:

– Ну и?..

Я слишком хорошо знаю своего дотошного отца, а потому с чувством, с толком, с расстановкой рассказал о шуме среди ночи, разбудившем двух прекрасных влюбленных, собачьим рычании, отчаянных воплях, грохоте и почти волчьим вое, которым, судя по всему, Билли провожал некоего ночного посетителя.

Отец спокойно выслушал мой рассказ, аппетитнейшим образом затягиваясь сигарой и отхлебывая ароматный джин.

– А ты уверен, что Билли – на самом деле не волк? – поинтересовался он, наблюдая, как еще совсем недавно завывавший на луну Билли подбежал к нему, с самым скромным видом помахивая хвостом.

– Билли – простой московский дворняга, разве не видишь сам, – зевнув, пожал я плечами. – Просто, видимо, волчий вой, наследие древних предков, – в крови каждой собаки.

Отец все так же вальяжно кивнул и неторопливо поделился со мною своими соображениями:

– Наш посетитель не обязательно грабитель, это вполне мог быть хулиган или как там их называют? – Он задумчиво посмотрел на струю сигаретного дыма. – Ты ведь, надеюсь, в курсе, что Сент-Женевьев-де-Буа называют бандитским районом, тут расположен крупнейший исправительный центр для малолетних преступников. Быть может, кто-то из них решил поразвлечься, совершив проникновение в наш дом, а нарвался на здорового пса Билли!

Тут Старый Лис с довольным видом почесал Билли за ухом.

– Выходит, идея Лулу по поводу бездомного пса из России не так уж и глупа – во всяком случае, грабитель бежал, и прогнал его один Билли, без нашей помощи! Кстати сказать, хочу заметить, что моя Лулу, несмотря на весь вой-шум-тарарам, даже не проснулась.

Тут отец с самым довольным видом загасил свою сигару, положил ее в пепельницу, встал и, царственно запахнувшись в свой халат, кивнул мне:

– Предлагаю продолжить наш сон. Спокойной ночи!

И он удалился. Разумеется, я последовал его предложению, правда, не удержавшись и закрыв на задвижку кухонную дверь. На всякий пожарный.

Глава 10

Болтология на кухне

Наступило серое утро. Мари, необычайно бледная, вскочила затемно и буквально за несколько секунд собралась, пока я еще толком не проснулся. Матово-серое лицо без косметики, словно бы ввалившиеся печальные глаза – таким ее лицо отпечаталось в моем сознании, когда она напоследок наклонилась надо мной, чтобы прошептать: «Мне пора! Увидимся».

Оставшись один, я еще какое-то время понежился в постели, подремал, после чего лениво потянулся, поднялся и, отчаянно зевая, спустился на кухню, где застал мирную картинку: очаровательная Лулу, очаровательный утренний беспорядок во всем ее девичьем облике и лучший друг Билли, с аппетитом поедающий завтрак из огромной чаши.

– С добрым утром!

Лулу тут же вскочила, чмокнула меня в щеку и с широчайшей улыбкой покачала головой:

– Мой дорогой Ален, я твоя должника до конца жизни! Кстати, ничего, что я на «ты»? В конце концов, ты ведь для меня пасынок!

От радости моя юная мачеха даже пару раз хлопнула в ладоши и весело расхохоталась. Впрочем, как и положено по статусу, она тут же приняла самый серьезный и назидательный вид.

– Хочешь позавтракать? У меня есть отличные круассаны, только что из буланжери. Жюль с удовольствием умял три штуки, хотя он перманентно садится на диету, чтобы убрать два-три кило.

Тут она строго оглядела мою вполне подтянутую фигуру.

– Тебе, конечно, пока лишний вес не грозит, так что можешь умять целых четыре штуки! Ну что, я заправляю для тебя порцию кофе?

Разумеется, я был обеими руками за кофе, а также за четыре (и более!) свежих круассана. А тем временем я решил вытряхнуть в мусорное ведро пепельницу, в которой отец, по своему обыкновению, оставил гигантские окурки своих сигар. Я подошел к ведру, наклонился, и тут мне в глаза бросился носовой платок с фиолетовой лилией – тот самый платок Мари, которым она утирала следы собственной помады с моего подбородка во время нашей романтической прогулки!

Я осторожно достал находку из ведра; платок был измят и весь перепачкан кровью. Я невольно нахмурился. Как платок Мари оказался здесь? И откуда на нем кровь?.. Выходит, она спускалась, когда Билли сражался ночью с неким посетителем?

– Зачем ты взял этот ужасный платок? – Лулу, заметив мои действия, с легкой брезгливостью сморщилась. – Он весь в крови! Просто жуть.

– А как он попал в мусорное ведро? – поинтересовался я.

Лулу пожала плечами.

– Я его туда бросила. Он валялся под столом. Поверь мне на слово, это не мой платок и не платок Жюля. Надеюсь, и не твой? В любом случае платок никуда не годен, выбрось его, пожалуйста, в мусор!

Славная, славная Лулу! После ночного происшествия у нее в руках находился «неизвестно чей» платок в крови, а она предлагала выкинуть его в мусор. Нет уж. Лучше я сам попытаюсь все выяснить по поводу этого окровавленного платка у его хозяйки Мари.

А пока что я, выкинув из головы эту весьма неприятную тему, уселся на свое место за столом и бодро улыбнулся, наблюдая за хлопотами Лулу и за Билли, лихо расправившимся со своим завтраком и подбежавшим ко мне, дабы принять первое утреннее поглаживание.

– Привет, Билли! – я потрепал его по густому загривку. – Сегодня тебе полагается награда за ночную службу. Молодец, настоящий герой!

Я от души пожал собачью лапу «засмущавшегося» Билли, а Лулу тут же оживленно взмахнула руками.

– Представь себе, Жюль мне все рассказал! Это просто потрясающе! Мой великолепный Билли спас наш дом от грабежа. Да теперь к нам ни один бандит не сунется – у нас такая грозная охрана!

И беспечная, как дитя, Лулу закружила по кухне в каком-то безумном танце. Я только по-стариковски вздохнул, глядя на нее. Да уж, никогда не понимал родного отца! Ну, вот скажите мне, бестолковому, о чем он может беседовать с годящейся ему в дочери девицей?

Ясное дело, Лулу очень мила. Но, если переходить на личности, у них так мало общего. К примеру, с моей мамой отца связывает целая жизнь: беспечная юность, романтическое знакомство, рождение детей – меня, затем Ольги... А здесь?

На Лулу можно любоваться. Конечно, она по-своему заботится о своем «милом Жюле», готовит ему поесть, выслушивает его брюзжание... И все-таки вывод однозначен: Старый Лис выбирает себе подругу чисто по внешним данным – как дорогую вещицу, которой можно просто любоваться, при том не обременяя себя шибко умными беседами.

– Отец уже на работе? – прерывая поток собственного брюзжания, лишь бы о чем-нибудь спросить, поинтересовался я.

Лулу тут же прекратила свой импровизированный танец, в одно мгновение организовав передо мной славный натюрморт: чашка кофе, блюдце с круассанами, молочник, сахарница...

– Разумеется! Милый Жюль встает так рано, что мне иногда кажется, он вовсе не спит! Словно это некий пришелец из космоса, которому достаточно для вида укладываться в кровать.

Она уселась, подперев щеки кулачками, напротив меня, с улыбкой наблюдая, как я принимаюсь за завтрак.

– Сегодня утром, когда я еще толком не проснулась, Жюль в двух словах сообщил, что сегодня ночью тут было целое приключение. К сожалению, я не все запомнила из его рассказа, хотя и поддакивала. Но мне и не нужны подробные рассказы. Я с первого взгляда поняла, что мой Билли – настоящий герой, и он никогда не пустит чужака в наш дом!

– Да, с Билли ты точно не ошиблась, – с готовностью согласился я, с удовольствием отпивая кофе. – Я люблю кошек и собак, но вот что в Москве есть целые сообщества людей, готовых тратить собственные средства и время ради спасения бездомных бедняг, понятия не имел. Спасибо тебе – я рад, что познакомился с «Другом человека» в лице милой дамы и конкретно – с нашим героем Билли.

– А еще ты познакомился с Мари, – лукаво помотала перед моим носом пальчиком Лулу. – Мари Петрофф. Она тоже очень милая, но такая грустная! Я ведь говорила тебе, что знала Мари раньше, и мне кажется, тогда она не была такой печальной. А вчера она рассказала мне, почему с детства собак скорее боится, чем любит: когда она была совсем малышкой, ее покусал огромный пес!

Лулу даже вздохнула, словно вновь и вновь сочувствуя Мари.

– Но она все равно так славно беседовала с Билли, даже пожала ему лапку. А почему она уехала без тебя? – тут глазки Лулу буквально засветились от любопытства. – Я думала, вы вместе отправитесь на работу – ведь Мари работает секретарем моего дорогого Жюля.

Хотел бы я сам знать ответ на этот вопрос! Возможно, всему причиной – наш вчерашний диалог, вернее, его не совсем красивый финал, когда я столь некстати проявил мужской эгоизм, отказавшись от роли «жилетки» для девичьих слез.

Впрочем, к сожалению, есть и другой вариант с очень неприятным «привкусом», направление которому дала мне последняя находка – платок со следами крови, обнаруженный после ночного инцидента на кухне. Платок Мари...

Разумеется, малышке Лулу ни к чему было знать о моих подозрениях. В ответ на ее вопрос я лишь задумчиво пожал плечами.

– Понятия не имею. Мари так не похожа на большинство девушек. Молчалива, все держит в себе... А ты не знаешь, как давно она работает у отца?

Лулу радостно кивнула:

– Конечно, знаю! Вчера мы с Мари так мило вспоминали совместную работу в агентстве. Мы уволились оттуда почти одновременно: сначала я, а Мари – следом. Это было в конце июня, почти три месяца назад. Мы потеряли друг друга из вида. Но мой милый Жюль каждый вечер рассказывает мне обо всех событиях дня – ему нравится, что мне все это очень интересно, и я задаю свои вопросы. Так вот, где-то в конце лета он сообщил мне, что нашел прекрасную замену мадам Виту, которая стала ему почти родной, но – быть может, ты в курсе? – она решила уехать к своей дочке в Алжир, там работает муж дочери... Давай я налью тебе еще кофе?

Несколько секунд – и передо мной источала аромат новая порция кофе, а Лулу продолжала свой детски-восторженный рассказ:

– Так вот... Когда встал вопрос о секретарше, кто-то из знакомых направил к Жюлю Мари. Неудивительно, что Мари сразу же понравилась ему – такая милая, аккуратная. И русские корни! Помню, как Жюль сказал мне в тот вечер: «Что ж, моя милая Лулу, почти половина продукции моей марки реализуется в России, у меня наполовину русские дети и... И наполовину русская секретарша!»

Действительно, все так и было – я улыбнулся славной Лулу, которая в очередной раз рассмеялась от восторга. Мне же смеяться вовсе не хотелось – да, в общем и целом все благополучно: я в Париже, в доме отца, я, похоже, слегка влюбился в столь удивительную девушку Мари, но...

Но при всем при том: а) совершенно неизвестно, покинула ли мой дом в Москве несносная Вера Бунина; б) удивительная Мари неожиданно исчезла, оставив после себя окровавленный платок.

Между тем новый день давно начался, и мне пора было собираться в офис отца поработать, а плюс ко всему увидеть Мари и постараться прояснить неприятную ситуацию с ночным пребыванием на кухне некоего незнакомца и ее платком в крови на той же самой кухне.

Я поблагодарил Лулу за завтрак, почесал за ухом Билли, радостно завилявшего хвостом, и отправился в город.

Глава 11

Первые тревоги бытия

Первая новость в офисе «Садов», добавившая мне головной боли, – Мари на месте не было, ее заменяла другая сотрудница. Как ворчливо объяснил мне Старый Лис, моя Мари в офис не явилась, позвонив по телефону и весьма сбивчиво отпросившись еще на два дня.

– Я разочарован, мой дорогой Ален, – подвел итог отец, закуривая свою сигару. – Насколько Мари Петрофф пришлась мне по душе с первого дня работы, настолько она продемонстрировала полную безответственность после... После встречи с тобой. Боюсь, мне придется с ней расстаться. Ну а ты при желании можешь продолжить с ней свои отношения.

Мне его последняя фраза с интонацией легкой игривости несколько не согрела душу. Мари не явилась на работу, сбивчиво отпросившись еще на два дня, – все это вкупе с платком, что я аккуратно положил в целлофановый пакет, выглядело слишком подозрительно. Потому я попытался тут же выяснить у отца адрес Мари либо номер ее телефона, а он направил меня за подробной информацией к своему управляющему Мишелю Пилье.

Мишеля Пилье я неплохо знал – этот тип вечно катастрофически занят, словно без его трудовой деятельности весь мир тут же провалится в тартарары. И на этот раз он был по своему обыкновению с головой в трудах праведных, но я все-таки заставил его порыться в бумагах и отыскать адрес Мари Петрофф – улица Фуке, 17. Что ж, это было уже нечто конкретное. Я решил отправиться к Мари прямо сейчас, не откладывая дела в долгий ящик.

Едва я выехал со стоянки у «Садов», как с парижского неба начал тихо накрапывать, словно нашептывая детские сказки, теплый дождь. Кто как, а я люблю эти осадки осени – каждый раз октябрьский дождь создает особое настроение легкой меланхолии, когда даже раздражающие душу драмы воспринимаются не так остро, с долей грусти.

Я неторопливо рулил по мокрым улочкам Парижа, по радио в тон всему Джо Дассен пел «Индийское лето», а я, периодически сверяясь с картой города, приближался к заветному адресу «улица Фуке, 17». Как оказалось, Мари проживала в довольно отдаленном от работы месте. В таком случае странно, что у нее не было собственной машины, хотя бы самой старенькой и дешевой. Неужели бедняжка Мари каждое утро добирается до работы общественным транспортом?

Дом 17 по улице Фуке оказался массивным шестиэтажным с цветочным магазином и булочной на первом этаже, с чередой одинаково мрачных окон. Я без труда припарковался и направился к входным дверям. Естественно, на мои звонки по домофону никто не отозвался – я и не думал, что Мари, отпросившись с работы, попросту будет отсыпаться дома.

И все-таки ни с чем возвращаться назад не было никакого желания. Я начал набирать номера соседних с Мари квартир, пока по одному из них не отозвался бодрый женский голос: «Да? Это ты, Поль?!» В ответ я торопливо буркнул: «Я!», дверь тут же приветливо открылась, а я взбежал на второй этаж.

Дама, открывшая мне дверь по домофону, разумеется, терпеливо стояла на пороге своей квартиры, при виде меня удивленно вздернула брови:

– Это еще что такое?!

При первом же взгляде на эту милую мадам я бы мог поклясться, что всю свою жизнь, до самого ухода на пенсию, она мирно трудилась учителем в каком-нибудь колледже. Потому я поспешил широко улыбнуться и молитвенно сложил руки на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.